

Михаил Богатырев (Париж)

Этюды о перевоплощении

посв. Н. О. Лосскому

1. Колесо Сансыры

«Никто не бойся смерти, ибо освободила нас Спасова смерть! Объятый смертью, Он угасил смерть. Сошел во ад, Он пленил ад... Огорчился ад, ибо упразднен! Огорчился, ибо осмеян! ... Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?!»

(Воскресное слово на день Пасхи, приписываемое св. Иоанну Златоусту)

Тонкие очертания прижизненного нравственного реализма не в последнюю очередь связаны с тем, что мы вкладываем в наши представления о загробном мире. Плотная завеса непознаваемости, окутывающая вхождение души в земное существование и исход из него, послужила поводом для того, чтобы человечество окружило себя панорамой самых фантастических воззрений на этот счет. Одно только их перечисление — по материалам этнографии, мифологии, философии, художественной литературы и истории религий — заняло бы несколько объемистых томов, поэтому, чтобы не нарушать порядок повествования, ограничусь лишь несколькими упоминаниями, не возводя их в систему и почти не вдаваясь в оценку их значимости.

Декабрист Батеньков на двадцатом году одиночного заключения в Петропавловской крепости осознал посредством откровения, что души рождаются под Петергофом в виде хрустальных шаров и подробно все описал в дневниках, большую часть которых уничтожил по выходе на свободу. Мистагог Г. Гурджиев склонялся к своеобразному загробному детерминизму, согласно которому живые — лишь безвольные марионетки, исполняющие тайные указания умерших. И хотя от этой словно бы возникшей на дрожжах спиритических сеансов теории до «Философии общего дела» Николая Федорова пришлось бы добираться семимильными шагами, их объединяет общее постапокалиптическое настроение (к слову, присущее также и некоторым старообрядческим согласиям, не признающим причастия). Философ Шарль Фурье, безумный соискатель должности министра социальных реформ в кабинете Бонапарта, ставил земную жизнь в зависимость от планетарного метемпсихоза. Загробный аккомпанемент для такой, казалось бы, абсурдной точки зрения (если не принимать в расчет астрологию и алхимию) написал антропософ Рудольф Штейнер. По его версии, душа после смерти сначала оказывается в компетенции Космического разума, затем мигрирует в область Луны, Меркурия и прочих планет, очищаясь там от болезней, изъянов и недостатков, после чего, по прошествии нескольких столетий, может вновь воплотиться на Земле. Концепция вполне беллетристическая, как и множество других, не связанных с проблематикой покаяния. В этом смысле большинство герметических авторов можно отнести к наследникам не только Оригена, но и Эмпедокла. Говорят, что Эмпедокл бросился

в кратер Этны исключительно из любопытства, а перед тем неоднократно заявлял: «Некогда я уже был мальчиком и девочкой, кустом, птицей и выныривающей из моря немой рыбой». Не стоит, конечно, ставить знак равенства между самоубийством и производственной травмой, несовместимой с жизнью. Но раз уж жизнь, как это зафиксировано даже в скрижалях инстинктов, является бесценным даром, то очевидно, что того, кто так запросто отталкивает ее от себя, ждет соответствующее воздаяние.

Согласно древним индийским верованиям, человек после смерти не исчезает бесследно, а проходит через череду мытарств, занимающую несколько сотен, а то и тысяч лет, после чего заново рождается на земле и уже (исключения бывают, но их — единицы) не помнит себя, прежнего. И так — поколение за поколением. Люди не появляются и не исчезают, но словно бы извлекаются и возвращаются в некую эфирную кладовую. То есть, выходит, и людьми-то их можно назвать лишь обобщенно, это, скорее, какие-то характерные плотности, неуничтожимые души, пульсирующие изнутри и вокруг изменчивого понятия телесности.

Такому представлению соответствует и образ вечности в виде колеса Сансыры. Мне здесь видится колесо обозрения, именуемое также в народе «чертовым колесом». Нижней частью оно погружено в красные воды небытия, в которых обитает бог смерти Яма, а верхняя часть прокручивается на свежем воздухе. Каждое следующее поколение смотрит в затылок предыдущему и сидит в ряд, на сиденьице необъятной ширины. Ряды прокручиваются, один за другим: не успели одни извлечься из бесплотной тьмы, как другие немедленно в нее окунаются и словно бы консервируются на две тысячи лет.

Появление душ сопровождается пением:

Снова на земле!
Жизни нет конца!
Новые тела,
Новые сердца!

Так поют эти новоявленные люди. Они входят в плоть, пронизаются костью, обрастают мышечным волокном, сочетаются в семье, научаются распознавать своих предков и помогают выталкивать из небытия потомков, чтобы услышать, как те, в свою очередь, снова поют ту же самую песню:

Снова на земле!
Жизни нет конца!
Новые тела,
Новые сердца!

Увы, это все ненадолго! Земное обличье столь же кратковременно, как и земная память, недаром поэт уподобил жизнь блеску молнии, а уж окунувшись в реку смерти по ту сторону колеса, забывает душа и потомков, и предков, как мимолетный сон. Ей

отныне две тысячи лет нужно пребывать в нетях, так что в памяти остается разве что коллективная песня, а может быть, и вовсе ничего не остается.

Сведения о том, как некоторые народы сокращают сей жуткий промежуток до нескольких лет или даже дней, можно найти в книге Н. О. Лосского «Учение о перевоплощении», а он, в свою очередь, обнаружил их в трудах этнографов Фробениуса и Зиммеля:

«Фробениус рассказывает, что в эфиопской культуре есть обычай принесения своего короля в жертву. Он беседовал с одним королем, который должен был в следующем году подвергнуться смерти и говорил о ней спокойно, как о небольшом путешествии. <...> „У меня есть маленький внук, которого я очень люблю. Он должен взять себе жену из хорошего племени. От этого внука я хочу родиться <...> „. Веря в перевоплощение, примитивные народы стараются при рождении ребенка узнатъ, кто он, какой из предков родился у них. <...> Зиммель в своей статье „К метафизике смерти“ сообщает о приемах, применяемых ими для этой цели. У одного племени негров к новорожденному подносят вещи предков и наблюдают, какая из них привлекает к себе его внимание. „Это дядя Джон“, говорят они, „он узнает свою трубку“. <...> У маорийцев жрец произносит при новорожденном имена предков; они полагают, что ребенок — тот из предков, при имени которого он чихнет или закричит»¹.

От подобных мировоззрений до поступка Эмпедокла — рукой подать, но тогда и кладбищенские чертоги, в общем-то, отпадают за ненадобностью, да и сама жизнь приобретает хронический оттенок несерьезности. Возвращаясь к колесу Сансыры, хочется спросить: так какой же смысл в этом бесконечном кружении, если очнусь я по прошествии вечности этаким Федотом, родства не помнящим? И потом, как распознать, катаюсь ли я в колесе, или же просто рождаюсь на свет безо всякой предыстории?

Эти этюды, как видно из посвящения, написаны по вдохновению, почерпнутому из книг Николая Онуфриевича Лосского, чье интуитивное учение меня в свое время сильно впечатлило. Не могу сказать, что я с ним всецело согласен: как раз именно на уровне интуиций и возникает опасение, что грандиозный корабль,озванный Лосским на стапелях своеобразной паракибернетической теологии, может соскользнуть не в ту гавань и увлечь читателя в некую современную ересь, пронизанную биокосмическими токами. Впрочем, тот факт, что Лосский читал философию с кафедр православных богословских институтов, заставляет относиться к его книгам с определенной степенью доверия. И поскольку «этюды» как жанр свободного, сколь угодно обрывочного, ассоциативного размышления вовсе не предполагают ни критического разбора, ни научной оценки вдохновившего их предмета — то можно себе позволить не приступаться сразу же, напрямую, к учению Николая Лосского о перевоплощении, а заглянуть сначала в его, так сказать, хозяйственную пристройку, в раздел библиографии.

На самом-то деле, с колесом Сансыры все не так просто. Для обобщенного описания метафизики буддизма Н. Лосский привлекает книгу Розенберга, из которой

¹ [Лосский 1992: 47, 59].

у современного читателя, особенно, если он наделен воображением, вполне может сложиться впечатление, что в буддистской философии субъект-объектное противоречие снимается посредством ускорительного квантования как субъекта, так и объекта — как если бы их поместили в андронный коллайдер.

«Характер личности и характер переживаемого ею внешнего мира предстает разъятым на отдельные моменты. Длительность одного момента равняется 1/75 секунды, а по другим источникам, момент — биллонная часть сверкания молнии. „Человеческая личность с ее переживаниями, — пишет Розенберг (стр. 71), — оказывается сведенной на поток ежемгновенно сменяющихся комбинаций мгновенных же элементов. Поэтому нет ни солнца, ни человеческого я, нет ничего постоянного, кроме вихря элементов, слагающихся каким-то закономерным образом”. Свободы в таком мире быть не может; личное индивидуальное бессмертие отрицается. Вернее, в простонародье у буддистов сохраняется первобытное учение о переселении душ, но философия буддизма истолковывает его так, что оно перестает содержать в себе признание бессмертия. „Не какая-либо душа, — говорит Розенберг, — переходит из одного тела в другое или из одного мира в другой, а что данный один и тот же внеопытный комплекс дхарм (словом „*dharma*” означается неизвестный трансцендентный носитель мгновенного элемента), проявляющийся в данное время как одна личность-иллюзия, после определенного промежутка времени проявляется в виде другой, третьей, четвертой и т. д. — до бесконечности. Следовательно, ничего, собственно, не перерождается, происходит не трансмиграция, а бесконечная трансформация комплекса дхарм, совершается перегруппировка элементов-субстратов, наподобие тому, как в калейдоскопе те же частицы группируются в новые, более или менее похожие друг на друга фигуры. <...> Процесс такой перетасовки происходит в силу безначальной инерции, и если не произойдет приостановки или пресечения движения, то колесо бытия автоматически должно продолжать свое вращение”»².

Сознание протестует. Не может такого быть, чтобы ничего не сохранилось! Вспомним хотя бы Пушкина, с надеждой восклиавшего: «Нет, весь я не умру!» ... Мы ломаем контексты, пытаемся выдать бессознательное за сознательное, мечемся из стороны в сторону, не желая смириться с тем, что даже память исчезнет вся, без остатка, отталкиваем сонмы элегантных решений, в том числе и Шопенгауэра, любезно предлагающего, в качестве паллиатива, связать бессмертие не с душой, но с волей. А ведь решение-то где-то рядом...

Нет, не случайно в конце православной панихиды трижды поется «Вечная память», как не случайно и в Символ Веры включены слова о жизнеподательной миссии Духа Святого и о воскресении мертвых.

Вопросами перевоплощения отцам церкви пришлось вплотную заняться на V Вселенском соборе (543 г.), когда и были преданы анафеме 15 тезисов Оригена, в которых говорилось о предсуществовании души, о ее падении и о творении Богом материи, как несовершенной оболочки для грешной души. Эдикт гласил: «Если кто

² [Лосский 1992: 101-104].

говорит или думает, что души людей предсуществовали, именно были раньше духами или святыми силами, пресытились созерцанием Бога, пали и потому, охладев к любви Божией, стали называться по-гречески *psyche* и в наказание были погружены в тела, — да будет анафема».

Когда Н. О. Лосский приводит текст данного осуждения (1, «Учение о перевоплощении», стр. 130), он трактует его в том смысле, что анафематствована лишь форма, в которой Ориген высказывал свои идеи, и что «учение о предсуществовании души может быть развито в крайне различных видоизменениях и может быть дополнено учением о перевоплощении тоже с весьма различными особенностями». Но мы пока что, не вдаваясь в подробности, остановимся на признании отцами церкви единственности земной человеческой жизни, такой единственности, которая не отнимает у души жизни вечной.

21. 03. 2016, Melun

2. Заметки на полях книги Н. О. Лосского «Интуитивизм»

reduction ad absurdum

Я забрел в мир Н. Лосского окольными путями, в очередной раз пытаясь найти ответ на риторический, в общем-то, вопрос: «как примирить душу с государственностью и государственной церковностью». Понятие «иерархия» звучало в сознании плоско и безысходно, а в иерархическом персонализме Н. Лосского неожиданно для себя я обнаружил и объем, и многозначность, и диалектическую глубину. Впрочем, его подход обескураживал тем, что к проблеме бессмертия Н. Лосский приступается не как богослов, а, скорее, как научный фантаст. Поначалу он облекает тело и душу ворохом разноплановых дефиниций, но в конечном итоге предпочитает рассматривать их с точки зрения элементарных частиц, и выглядит это, в общем-то, как дегуманизация. Интерес к философу катастрофически пошел на убыль, и пришлось подогревать его доводами эмоциональными, — что со стороны, конечно, выглядит наивно. Так, я говорил себе, что теократическая идея на практике еще менее гуманна, чем элементарные частицы. Безнравственность, подлость, лицемерие и потакание суевериям во имя Христово, — всего этого в «элементарных частицах» нет. Но в спасательный круг для теории перевоплощения такие доводы превратиться не могли: из «частиц» восставал безликий Голем, и непонятно было, ради кого переносятся в вечность костюмерные задворки плоти.

Оставалась еще этика Лосского, если рассматривать ее изолированно, вернее, самый важный ее постулат: душа есть слепок абсолютного добра.

Н. Лосский утверждает, что цель нашего существования задана Творцом, и сводится она к достижению абсолютного добра. Соответственно этой цели выстраивается иерархия ценностей, на первом месте — любовь к Богу, затем — любовь ко всякой личности, как к творению Божию (в том числе и к самому себе),

далее идут неличные абсолютные ценности: добро, красота, свобода — слагаемые абсолютного добра.

Мир, по Н. Лосскому, представляет собой гигантскую и многомерную иерархическую панораму, включающую в себя разного рода и масштаба «субстанциальных деятелей» — от атома до человека и человеческих сообществ и еще выше — до Царствия Небесного. Деятели могут быть материальными и нематериальными, видимыми и невидимыми, наличествующими в потенции, индивидуальными, коллективными. Лосский пишет:

«В системе человека <...> центральный деятель есть человеческое я; ему подчинены непосредственно деятели, заведующие центрами мозга, <...> органами; этим деятелям подчинены клетки организма и т. д. вниз вплоть до <...> атомов тела. В свою очередь, человеческое я <...> входит в систему какого-либо социального целого <...>; далее эти социальные целые подчинены единому живому организму нашей планеты Земли, которая подчинена солнечной системе. В конечном итоге, все эти союзы суть органы Вселенной как единого живого организма»³.

Для понимания «иерархического персонализма» требуется кардинально переосмыслить понятие телесности. Человек в системе Н. Лосского никоим образом не ограничивается только физическим телом, он словно бы плоится в совмещении множества монокуляров. Он и часть космического универсума, и совокупность процессов, протекающих на клеточном уровне. В каждый миг своего существования человек деятельно компилирует несметное множество измерений и планов, в которых всегда что-то происходит. Это миросозерцание отчетливо перекликается с философией всеединства, а по настроению оно ассоциируется со 103 псалмом, в котором описано бесконечное многообразие населяющих нашу планету существ (в молитвенной практике 103-й псалом иногда используют как щит против мук одиночества, состояния заброшенности, уныния).

Н. Лосский подвергает существенной ревизии наше обычное представление о теле как о физическом субстрате. В принципе, в самых общих чертах, нечто подобное можно обнаружить в поэзии (Пушкин: «Нет, весь я не умру...», Маяковский: «Чтобы, умирая, воплотиться // В пароходы, строчки и другие добрые дела»). Образно говоря, физическое тело человека рассматривается лишь как один из адресов (и, возможно, не самый главный), по которым прописана личность. Кроме того, постулируется как данность наличие некой многосоставной, структурной телесности; в качестве примера здесь можно привести тело разговора.

«Профессор Карсавин, — пишет Лосский, — говорит в своей „Философии истории“, что даже какая-нибудь беседа нескольких лиц, едущих в одном и том же вагоне железной дороги, есть уже социально систематизированный процесс, руководимый, по его терминологии, „симфонической личностью“».

Соответственно, телесность такой симфонической личности будет составной, ее плотность распределена между телами участников разговора.

«Группа субстанциальных деятелей, — читаем далее, — подчинившихся более высокоразвитому деятелю и служащих ему органом, может быть названа телом деятеля. Мы привыкли называть словом „тело“ пространственную сторону

³ [Лосский 1992: 45].

бытия существа; с другой стороны, мы называем словом „тело“ ту сторону бытия существа, отделение от которой и распад которой есть смерть существа. <...> Это различные значения слова „тело“. <...> Можно назвать словом соузное тело группу субстанциальных деятелей, подчиненных главному деятелю; что же касается пространственных процессов, творимых главным деятелем вместе с его соузниками, их можно назвать словами пространственное тело. Конечно, во многих случаях можно употреблять просто слово „тело“, когда из контекста видно, о котором теле идет речь».

При таком взгляде на вещи и трактовка личности становится предельно расширительной, покров личности распространяется не только на результаты деятельности (как в случае с разговором), но и на социально-исторические общности, такие как нация:

«Нация есть личность высшего порядка, чем человек. Национально-государственное я есть, как и человеческое я, сверхвременный и сверхпространственный субстанциальный деятель, представляющий собою душу нации. Человеческое я подчиняет себе клетки своего тела и использует их деятельность для таких функций, как восприятие, мышление, прогулка, беседа с другими людьми и т. п. Что же касается национального я, телом его служат все люди, составляющие народ, а также и территория. Поступки национального я, в составе которых координированы действия многих людей, предполагают высокую способность его управлять поведением подчиненных ему людей, служащих социальному целому как органы его государственной и культурной жизни»⁴.

Далее следует замечание, представляющееся особенно ценным: «Подготовка к такому типу жизни может начаться уже в нашем человеческом существовании в форме способности к социальному организаторству и умения управлять людьми»⁵. Конечно, на основании одного только замечания, едва ли не оговорки, было бы неосмотрительно утверждать, что а) личность нации есть личность загробная, и б) чем скорее каждая из живых, индивидуальных человеческих частиц открепится от нее, выйдет из ее компетенции, тем быстрее человечество вступит в Царствие Небесное. Лоссский столь далеко идущих выводов не делал, сосредоточив свое внимание на оттачивании терминологии, связанной с проблемой перевоплощения. Но эта идея, вырисовывающаяся поначалу как отдаленное, «периферическое» следствие из общего хода мыслительных построений философа, почти сразу же достигает необычайной напряженности и накала, словно бы приглашая к дальнейшей разработке. Мы же останемся пока что в рамках совершенно нейтрального утверждения: по отношению к человеческому я тип «жизни» национального я — иной.

Читая Н. О. Лосского, постоянно приходится сдерживаться, чтобы не дать себе увлечься разнообразными гипотезами, зачатки которых начинают стремительно развиваться, испытав на себе влияние благоприятной питательной среды. Позволю себе озвучить одну из них. Предположим, что нация, как личность высшего порядка, перестает проявлять себя в означенном и предопределенном отношении. Что же тогда станется с интегрированными в нее личностями «представителей нации»? Вероятно,

⁴ [Лоссский 1992: 58-59].

⁵ [Лоссский 1992: 59].

на протяжении какого-то времени они, как ни в чем ни бывало, продолжат прежнее существование. Но рано или поздно отсутствие интеграла, удущивый вакуум вместо объединительной симфонии доведет их до эксцессов и катализмов, и «представители нации», как вариант, начнут рассредоточиваться в иных этнических субSTITУциях, иных симфонических телах. Так, монгольские племена захватывают китайский трон, начинают править государством и, совершив утратив этническое своеобразие, растворяются в нем без остатка. Но возможен и другой сценарий, в соответствии с которым чем меньше проявляет себя национальное я, тем больше и усиленнее взыскивается интеграция с ним. Всякая эскалация национализма — это агония, связанная с утратой глубинной идентичности национального я.

Осознавая всю сложность и даже, в известном смысле, табуированность проблематики (см. выше постановление V Вселенского собора), Н. О. Лосский обозначает подход к проблеме перевоплощения следующим образом: «*Смерть есть расторжение союза между главным деятелем и подчиненными ему деятелями. Чаще всего она наступает тогда, когда по тем или другим причинам жизнь главного деятеля перестает удовлетворять подчиненных ему деятелей или наоборот. Субстанциальные деятели сверхвременны; следовательно, смерть не уничтожает ни главного деятеля, ни подчиненных ему деятелей; она есть только разрушение того, что временно, т. е. распад союза этих существ. После смерти главный деятель может начать привлекать к себе новых союзников и строить новое тело, соответствующее степени его развития и его интересам, возникшим в предыдущей жизни. Такой переход от жизни с одним телом к жизни с другим телом может быть назван словом перевоплощение*»⁶.

Значит, личность, по Н. Лосскому, есть сумма иерархических отношений, неподвластная времени? Нет, скорее, интегральная миссия, ответственно исполняемая по отношению к другим личностям или явлениям. Он пишет: «*Каждая личность есть сверхпространственный и сверхвременный, следовательно, вечный и субстанциальный деятель; каждая личность наделена самостоятельною творческою силою; все они не обособлены друг от друга, а отчасти сращены друг с другом благодаря отвлеченному единосущию*» (1, §7. Знание как интуиция)⁷.

Складывается впечатление, будто концепцию иерархического персонализма создавал дотошный немецкий механик, задавшийся целью соорудить подвижную металлическую пчелу, неотличимую от оригинала. Суставы раздвигаются и сдвигаются по перископическому принципу, детали взаимозаменяемы и вместе с тем уникальны. Но этому совершенству недостает некоторого волюнтаризма; субъективный фактор, без которого немыслима никакая личность, слабо вписывается в расчеты. И потом, объемы понятий, таких как «тело» и «личность», становятся словно бы безразмерными. Если понятие о личности применимо и к разговору, и к нации, то как быть с такими образованиями, как предприятие, государство, армия, культура (как в целом, так и отдельные ее отрасли), лесной массив, в конце концов! И не кроется ли в подобном подходе опасность возвращения в архаическое сознание, одушевляющее и предметы, и явления природы, то есть, проще говоря, в идолопоклонничество?

⁶ [Лосский 1992: 46].

⁷ [Лосский 1992: 30].

Следующим шагом, логически развивая личностный аспект иерархического персонализма, мы безо всякой рефлексии и без тени иронии должны, по идее, начать говорить: «отец-лес», «матушка-культура», «госпожа-армия» и т. п.

Последняя заметка. Персонализм Н. О. Лосского — метафизический, наверное, поэтому он не лишен трансперсонального звучания. Да, действительно, личность не неизменна. Она претерпевает различные колебания и флюктуации, вплоть до радикальных мутаций, способных возвысить ее или повергнуть в пучину беспросветного мрака. Приводя примеры глубинных межличностных (*sic!*) конфликтов, происходящих на сцене одной души, Н. Лосский оперирует термином «потенциальные личности» и говорит о возможности «подселения» такого рода призраков, усматривая в этом косвенный аргумент в пользу теории перевоплощения. Но, во-первых, представление о теле как о пустом вагоне, по которому свободно циркулируют пассажиры, логически несовместно с образом воскресения во плоти, понимаемым как новое телесное преосуществление души. А во-вторых, и это самое главное, в практике православия, опирающейся на понятия ответственности и покаяния, существует инструмент исповеди, ограждающий базис личности от необратимых мутаций.

27. 03. 2016, Melun

3. Душевность и телесность

Рождение нового

богословско-поэтическийэтюд

«Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей... И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: „кости сухие! слушайте слово Господне“. Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я — Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жили были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху... и вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои» (Иез 37:1,4–8,10).

20. Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, 21. Который уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которой Он действует и покоряет Себе все (Филиппийцам. 3).

«...Оно преобразится, то есть, оставаясь тем же самым, облечется в нетление; потому что под преображением нужно разуметь освобождение от тления». — блаж. Феофилакт Болгарский, толкование на Фил.3.

Если в инобытии душе уготована участь иметь форму, значит, она обязательно прилепится к субстанции, войдет в некую плотность, только плотность сия будет совершенно иного порядка, совсем не то, чем располагает материальный мир. Евангелие сообщает: когда Христос, по воскресении Своем, предстал перед учениками, они поначалу не узнали Его (Лк. 24: 16—31). Его телесная форма была иной, «иного образа» (Марк. 16:12), так что Мария Магдалина даже приняла Его за садовника (Иоанн. 20:12), но, вероятно, тело его было, вопреки мнению блаж. Феодорита

Кирского, не световидно, а вполне осозаемо, иначе как бы апостол Фома вложил свои персты в Его раны? Вообще, на основании кратких евангельских упоминаний невозможно делать выводы относительно характеристик новой телесности, в частности, будет ли исправлена генетическая ответственность, которую потомки разделяют со своими предками. Ответ, впрочем, есть — он в притче об исцелении слепых: «По вере вашей да будет вам» (Мтф. 9:29). Уместно вспомнить здесь и пророчество Исаии о грядущем Мессии, который исцелит телесные недуги людей: «Тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь: ибо прольются воды в пустыне и в степи — потоки» (Ис. 35:5—6).

Икона Воскрешение из мертвых

На этой иконе современного письма изображено восстание из гробов Адама и Евы. Христос воскрешает их в телах славы; справа от него стоит воскрешенное человечество, слева — четыре пророка. Характерное сияние вокруг Христа, называемое «мандорла», чаще всего имеет миндалевидную форму; в данной композиции оно также сопоставимо с туннелем, о котором свидетельствуют люди, пережившие клиническую смерть.

Точно так же, верим ли мы в красоту, или в гармонию, или непосредственно в Бога, или даже в богов, или в самих себя, — за чертой бытия эта глубинная жизненная детерминанта никуда не исчезнет, но, скорее всего, только усилится. А колесо Сансары, возможно, предстанет в ином свете, уподобившись ярмарочному аттракциону, продолжающему со скрипом кружиться на безлюдной площади в ненастный день. Изменятся модальности осуществления вероисповедной детерминанты и связанного с ней творчества. Оно примет форму предвкусительную, предуготовляясь либо к блаженству, либо к покаянию. В последнем случае предуготовление можно назвать вечными муками.

Наши непосредственные земные движители — гордость, тщеславие, самоупоение — несовместимы с вечным покоем. Их просто нет за гробовой чертой, как нет ни власти, ни денег, ни успеха. И до тех пор, пока душа не избудет укоренившуюся в ней нацеленности на вышеперечисленные ценности, она будет претерпевать вечные муки. В своей книге «Невеста Агнца» о. Сергий Булгаков пишет, что «вечность» мучений надо понимать в плане интенсивности, а не продолжительности их, ссылаясь, в частности, на тот факт, что учение о вечности адских мук в смысле бесконечной длительности во времени не возведено на степень догмата Православной Церковью и представляет собою лишь «богословское мнение» (2, стр. 512). Это чрезвычайно ценное замечание. Никакая душа не может без остатка утратить то вдохновение абсолютного добра, которым она была сотворена.

Процесс воодушевления есть искра Божия, непрерывно согревающая новорожденное существо. Близкие — родители в первую очередь — начинают излучать из себя духовность, это происходит целенаправленно, и даже как бы помимо их воли. Умиление, милосердие и любовь — вот три строителя всякой души, к ним присоединяется также и четвертый, терпение. И все самое ценное, что есть в человеке и человечестве, сводится к ним.

Ну, а как же быть со сказаниями о выкармливании человеческих младенцев животными (Маугли, Ромул и Рем, Иван Суич, Хайи ибн Якзан), перекликающимися с бесчисленными вариациями тотемизма, пронизывающими человеческую культуру на уровнях мифа, этноса, рода и гильдии? В бестиарии, из которого вышел человеческий вид, несомненно, присутствует и отблеск искры Божьей. Стремясь обозначить *status quo* такого рода душевности, князь Кропоткин, вслед за наиболее идеалистически настроенными дарвинистами, приходит к выводу о наличии этики в животном царстве. Если даже он и прав, то необходимо добавить, что этика эта подчинена другому строю, совершенно иному укладу, и нацелена она не на достижение абсолютного добра (как, скажем, этика Н. О. Лосского), а на поддержание жизни.

На закорках Эроса выстроена масштабная индустрия, включающая в себя и иллюзион массовой культуры. Но вся эта сфера, облекающаяся в отпечатки отдельных индивидуумов и людских масс, перемалывающая их привычки и установки, нацеленные на плотское наслаждение, остается бездейственной до тех пор, пока вместе с зачатием новой единичной жизни не вступает в силу высшее долженствование. Животный восторг сладострастия словно бы отступает в тень,

и на смену ему приходит бесконечное благодатное удивление, словно бы возносящее и само новорожденное существо, и его обновленных родителей в ангельский чин.

После того, как зачатие становится свершившимся фактом, планетарная детерминанта, при посредничестве цифры календаря, придает безымянному существу некоторую исходную характерологическую означенность, да и прилагательные «майский», «июньский», «летний», «зимний» и т. п. в некоторых случаях преобразуются в переходные формы имен. Состояние безымянности рано или поздно заканчивается, и теперь в реализм трансцендентного новое существо вовлекается существенным образом через имя, нареченное ему интуитивным образом или же в соответствии с некоторыми канонами. Имя становится первой принадлежностью существа, принадлежностью как мирской, так и небесной. Личность ли оно, это существо, душа ли оно?

В растениях происходит дивный процесс фотосинтеза. Легко себе представить, как явление это взбегает по спиралеобразной лесенке эволюции и оказывается на высшей ее ступени. Деятельная вспышка света способствует проявлению души на эмбриональных эмульсиях. Правда, душа пока еще не обнаружена под плотным покровом млекопитающей телесности, но это дело времени, а сейчас животные катализаторы — свет и воздух — взрывают небытие вокруг нее. Впервые раскрываются веки, осуществляется вздох, и зачаток души начинает стремительно схватываться в младенческой телесности, как схватывается изнутри гипсовый раствор. Но гипс застывает, а человек с невероятной скоростью аккумулирует пластичность.

До тех пор, пока мы младенчески пребываем в чертоге инстинктов, мать-природа ограждает нас от иллюзий категорией всеобщего равенства, которая в дальнейшем превратится в пустой звук, или, в лучшем случае, в аллегорию. Но пока еще этого не произошло. Не сознание, а память вида управляет нашими органами. Благодаря клеточным «воспоминаниям», циркуляции организма привязаны к строгому временному регламенту.

Впервые закричав, мы не отвечаем на вопрос «Кто?», это кричит сам крик, которому должно кричать, крик абсолютной необходимости, как сказал бы буддийский философ. Первый крик немедленно идентифицируется в умилительном восприятии окружающих, но сам по себе он никому не идентичен, хотя и вполне индивидуален с точки зрения формы. Зато на уровне, так сказать, телесно-храмовом происходит идентификация невероятных масштабов: часть другого тела становится самостоятельным телом.

Словно бы помимо воли пишущего, поэзия прокралась-таки в эти строки, и алхимия слова возобладала, очевидно, над критическим настроем очерка. Дело, может быть, в том, что тематика перевоплощения «лицом к лицу» соприкасается с безответным вопросом о совместительстве духа и вещества. Крепкий орешек сей подгрызаем со всех сторон — магами, герметиками, философами, богословами и психологами, и каждый из «грызунов» сосредоточен в своем, особылом, тезаурuse. Метафоричность, окольными путями восходящая к Образу, и логически связный термин сочетаются в этих понятийных системах в разных пропорциях, и,

соответственно, по-разному интонируется пресловутая «точка разрыва», в которой причинно-следственные связи заканчиваются. Далее следует либо ползти, либо лететь, либо... воочию перевоплощаться (беллетристичность Фулканелли, воскресавшего в 1960-е годы, не вызывает сомнений, но все же, как говорится, нет дыма без огня). Метафора, синтез, вообразительная и практическая герметика, паранауки — все эти эффектные взмахи крыльев на краю бездны лишний раз убеждают нас в невозможности форсировать или как-то ускорить постижение вечных истин. Да, конечно, крылатый дух летает, где хочет, и все ему доступно. Но когда человеческая мысль стремится ему уподобиться, она либо цепнеет, не в силах сдвинуться с места, либо вынуждена то и дело спохватываться, чтобы не сверзиться вниз. И вот тут-то, если воспользоваться аналогией с модусами преосуществления христианского вероисповедания, полномочия Логоса — из-за недосказанности — переходят к Образу, и критерием истины становится красота, за которой неотступной тенью маячит соблазн.

Где нет полета, там есть поползнение. Соблазн велик — ну, как, скажем, велик он сейчас и для меня, побуждая интернировать мысль в заведомо популистские контуры, по образцам небезызвестного писателя Пелевина, и углубиться в вариации на тему «рожденный ползать летать не может». Но, как гласит девиз ордена Подвязки, «*Honi soit mal y pense*» (Позор тому, кто дурно об этом подумает). Сама содеянность мысли имеет природу змеиную, поползненную. Объективность — это именно самопроползание разума, от зацепки к зацепке, от атома к атому. Образ полета можно приложить к объективности лишь как орденскую ленту, в награду за кропотливый труд сопряжения причин и следствий. Ну, а тайное знание потому и является таковым, что в приближении к пристальному оку объективности оно бы неминуемо выветрилось, как духи из неплотно закрытого флакона.

29. 03. 2016, *Melun*

1. [Лосский 1992] – Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. — М., Прогресс, 1992.
2. Булгаков С. Невеста Агнца (о богочеловечестве). — YMCA-press, Париж, 1945.